

К ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ ПОСТСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ: НЕОПАТРИМОНИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

А.А. Фисун

*Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
(г. Харьков, Украина)*

1. Постсоветские трансформации в контексте позднего национально-государственного строительства

Осмысление сложной и противоречивой специфики процессов демократизации на постсоветском пространстве уже сейчас выявило крайнее своеобразие как форм самого демократического транзита, так и форм тех новых политических режимов, которые утверждаются в новых независимых государствах бывшего СССР. Растущее разнообразие форм и моделей политических режимов постсоветского типа, четко проявившееся к концу 2000-ых годов (ср., например, политрежимы Путина, Медведева, Кучмы, Ющенко, Лукашенко, Каримова, Назарбаева, Алиева или Саакашвили) стимулировало пересмотр и уточнение многих устоявшихся концептуальных схем и подходов к анализу постсоветского развития.

Существенным сдерживающим фактором в концептуальном осмыслении современных недемократических альтернатив – например тех, с которыми столкнулись постсоветские общества, – является доминирующая тенденция их исследования в рамках традиционной дихотомии «демократии и тоталитаризма», «демократии и авторитаризма», приводящей исследователей к существенным концептуальным натяжкам, а то и теоретическим оксюморонам, свидетельствующим о том, данные конструкты не могут быть адекватным ключом к их разгадке. Схоластический поиск борьбы демократических и антидемократических начал, столкновения «хороших» и «плохих» политических сил, «демократов» и «недемократов» отнюдь не приближает нас к постижению того общества, в котором мы живем, как и не способствует пониманию реального смысла политической борьбы, динамики элитного противостояния или тенденций политико-режимного развития постсоветских обществ.

Данные обстоятельства резко повышают необходимость поиска иных, более адекватных ракурсов анализа политического развития и демократизации,

связанных, в частности, с достижениями неовеберовской школы политического анализа, которая достаточно успешно переосмыслила наследие политических и социальных наук второй половины XX столетия. Одним из путей заполнения теоретических лакун и разработки новых направлений изучения демократизации может выступать дихотомия «демократии и неопатримониализма» (открытого конкурентного доступа или частного присвоения публично-политической сферы), которая всегда – в явном или скрытом виде – являлась одной из основных проблемных тем как политической теории, так и сравнительной политологии.

Гипноз хантингтоновской концепции глобальной «третьей волны» демократизации подталкивал большинство исследователей рассматривать посткоммунистические транзиты в контексте демократических переходов в Латинской Америке и Южной Европе. Однако лишь только в случае немногих государств Центральной и Восточной Европы (Польша, Чехия, Венгрия, Прибалтика) мы видим похожее воспроизводство исходного паттерна и устойчивую консолидацию демократии, в других же (преимущественно постсоветских государствах) мы, наоборот, наблюдаем консолидацию полудемократических или псевдodemократических режимов. Что же определяет фундаментальное расхождение социально-политических траекторий, с одной стороны, Центральной и Восточной Европы, а, с другой, большей части постсоветских государств?

Для осмысления данных различий и поиска адекватной теоретической рамки анализа очень многое может сделать теория исторического институционализма, которая фокусирует внимание на исторических *последовательностях* изменений, принципиальных исторических «развилках» траекторий социально-политического развития, факторах, которые влияют на этот выбор¹. Дело в том, что та или иная траектория становления национальных государств, последовательность процессов бюрократизации, демократизации, индустриализации в значительной степени предопределяет формирование той или иной конкретно-исторической модели взаимоотношений гражданского общества и государства. Здесь можно выделить общества, в которых рациональная бюрократизация предшествовала процессам демократизации, и общества, в которых бюрократизация и рационализация осуществляется после процесса демократизации. В первом случае возникает стабильная партийно-парламентская система, в которой партии выступают формальными каналами артикуляции интересов граждан, во втором случае вместо партий возникают политические институты скорее неформального типа, основывающиеся на патронаже и клиентарном «обмене лояльностью и расположением».

¹ Холл П., Тейлор Р. Политическая наука и три новых институционализма // *ОЙКУМЕНА. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций*. Харьков: Константа, 2006. Вып. 4: 48-76.; Телен К. Исторический институционализм в сравнительной политологии // *ОЙКУМЕНА. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций*. Харьков: Константа, 2006. Вып. 4: 77-118.

В большинстве постсоветских государств демократизация предшествовала весьма сложным и драматичным процессам рационально-бюрократической модернизации государства и национальной консолидации и здесь получают развитие политические режимы несколько иного типа. Например, для постсоветского развития оказалась неревалентной модель демократического пакта элит, которая, в той или иной форме, но все же состоялась в странах Центральной Восточной Европы. Пактирование постсоветских элит в той или иной форме действительно происходило, но вместо рождения демократии эти пакты скорее стабилизировали и консолидировали различные варианты недемократических или полудемократических режимов. Почему?

Наша гипотеза заключается в том, что в условиях инверсионного развития постсоветские пакты совершались вокруг другой «повестки дня», а именно *неформального соглашения по «захвату государства» и монопольной апроприации публичных политико-экономических функций*. Постсоветские межэлитные консолидации можно рассматривать как определенные картельные соглашения по ограничению конкуренции и выдавливанию «сторонних» от участия в эксплуатации публичных государственных ресурсов². Данная *инверсионная логика развития*, по нашему мнению, и определяет фундаментальное различие, как политических траекторий, так и конечных результатов демократического транзита в Латинской Америке, Южной и Центральной Европе, с одной стороны, и постсоветских трансформаций, с другой стороны³.

Таким образом, провалы и реверсивные волны демократизации имеют принципиально различные последствия в системах, которые обладают опытом национально-государственного строительства, и тех, которые не обладают им, т.е., там где есть определенный уровень рационально-бюрократической трансформации, и там, где его нет. В первом случае – наличия относительно сильной структуры современного государства – возникают, как правило, консервативные авторитарные режимы (Южная Европа, Латинская Америка, «восточно-азиатские» тигры), ориентированные на нормы бюрократической рациональности и экономического роста, во втором случае – «слабого государства» и неразвитости рационально-бюрократических механизмов – появляются неопатримониальные режимы (Азия и Африка), ориентированные на цели форсированной национально-государственной консолидации и извлечения ренты. В этом контексте *ключевые особенности политического развития и режимной динамики постсоветских государств могут быть осмыслены с помощью понятия неопатримониализма*⁴.

² Гельман В.Я. «Постсоветские политические трансформации: (Наброски к теории),» *Полис*, 2001, № 1: 15–29; McFaul M. «The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World,» *World Politics*, Vol. 54, No. 2 (2002): 212–244.

³ Kuzio T. «Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple?» *Politics*, Vol. 21, No. 3 (2001): 168–177; Bunce V. «Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Postcommunist Experience,» *World Politics*, Vol. 55, No. 2 (2003): 167–192.

⁴ Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков: Константа, 2006.

Впервые комплексное раскрытие понятия патримониализма в широкой сравнительно-исторической перспективе было осуществлено Максом Вебером в работе «Хозяйство и общество», где он подробно анализирует различные варианты патримониализма и противопоставляет его чистый тип, с одной стороны, феодализму, а с другой – бюрократическому (рационально-легальному) правлению⁵. По определению М. Вебера, «в своем чистом типе патримониальное господство, особенно в сословной форме, рассматривает все управленческие полномочия, с соответствующими экономическими правами, в качестве частным образом апроприированных экономических возможностей»⁶. По мысли Вебера, специфической особенностью патримониализма является, прежде всего, апроприация (присвоение) сферы управления официальными носителями политической власти, а также нерасчлененность публично-политической и частной, приватной сферы социума, в результате чего государство управляется как частное владение («вотчина») правящих групп, которые приватизируют различные общественные функции и государственные институты. В своей первоначальной форме патримониализм развивается из управления хозяйством правителя/вождя, точнее, из выделения слуг/клиентов от домашнего хозяйства господина и предоставления им земельных владений, пожалований, возможностей сбора податей и т.д. Аппарат управления, подчиненный непосредственно господину (властителю), состоит из членов его семьи, его родственников, личных друзей и верных вассалов.

Особое значение при этом Вебер придает частному присвоению *судебно-юридических и военных функций государства*, которое часто «становится правовой основой для сословно привилегированного положения присвоивших лиц, в противоположность присвоению чисто экономических возможностей в виде доминиальных, налоговых и любых других побочных источников доходов»⁷. В своем письме Г. фон Белову от 21 июня 1914 г. Вебер подчеркивает, что он использует понятие патримониализма именно для обозначения определенных типов *политического господства*, подразумевающих присвоение публичной власти и связанных с нею юридических и военно-силовых полномочий: «терминологически, я должен ограничить понятие патримониализма лишь определенными типами *политического* господства; ... при этом я подчеркиваю принципиальное отличие домашней, персональной или вотчинной власти, с одной стороны, и политического господства (*Herrschaft*) с другой, при этом последнее не является выражением ни одного из них, но скорее предполагает юридическую и военную власть»⁸.

По мнению М. Вебера, насколько силовые, фискальные и судебные функ-

⁵ Weber M. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. P.: 226-241, 1010-1110.

⁶ Ibid. P. 236.

⁷ Ibid. P. 237.

⁸ Roth G. "Introduction," in Weber M. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. P. xciv.

ции рассматривались в качестве частных полномочий, настолько везде терминологически верно говорить и о «патримониальном» господстве. «Патримониальным институтам, – отмечает М. Вебер, – прежде всего, недостает бюрократического разделения сферы „официального“ и сферы „приватного“. Политическое управление рассматривается правителем в качестве исключительно персонального предприятия, а политические полномочия существуют как часть его личной собственности, которая может приносить доход в виде налогов и дани»⁹. Хотя степень патримониализации в различных типах обществ и систем может варьироваться, в любом случае, пишет М. Вебер, «для нашей терминологии факт принципиальной трактовки властных полномочий и связанных с ними любого рода возможностей как *определенной разновидности* частных прав должен быть основополагающим»¹⁰.

Вебер так характеризует процесс патримониализации, степень проникновения которой в ткань рационально-легальных отношений в различных обществах может быть весьма различной: «Получивший должность человек, как правило, обретал вместе с ней и право на нее. Он владеет средствами управления подобно тому, как ремесленник владеет средствами производства. Из своих доходов он оплачивает издержки управления или отдает господину только часть доходов, оставляя остальное себе. В ряде пограничных случаев должность может быть наследственной или отчуждаемой, подобно любой другой собственности»¹¹.

Осмысливая фиаско проекта модернизации в различных странах Третьего мира, многие западные исследователи (Г. Рот, Ш. Эйзенштадт, Ж.-Ф. Медар и др.) выдвинули идею о том, что в ходе взаимодействия традиционного исторического наследия и современности возникают политические системы нового, неопатримониального типа, которые не являются переходными или промежуточными образованиями, а напротив, конечным результатом трансформационного процесса.

Впервые тезис о новых современных формах патримониального господства был выдвинут в выступлении Гюнтера Рота на VI Всемирном социологическом конгрессе в 1966 году. По его мнению, вполне очевидно, что в новых постколониальных государствах отсутствуют весьма важные легально-рациональные элементы современного государства и вместо этого, даже после исчезновения традиционалистских форм легитимности, продолжается воспроизводство некоторых прежних базовых форм административной практики. Вместо не очень плодотворного (по крайней мере, для большинства случаев) противопоставления бюрократии и харизмы Рот предлагает воспользоваться возможностями веберовской концепции патримониализма, которая сохраняет

⁹ Weber M. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 1028-1029.

¹⁰ Ibid. P. 237.

¹¹ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии. Введение в: М. Вебер. *Избранное. Образ общества*. М.: Юрист, 1994. С. 70.

свой эвристический потенциал и для условий посттрадиционного общества. По его мнению, следует различать две формы патримониализма: во-первых, традиционные патримониальные режимы, которые базируются на традиционной легитимности и наследственной власти; во-вторых, современные формы патримониализма, предполагающие «персональное правление на основе лояльности, которая не требует веры в уникальные личные качества правителя, а внутренне связана с материальными стимулами и вознаграждениями»¹². Если традиционный патримониализм все в большей степени становится «вымирающим» режимным видом, то институциональная матрица постколониальных государств способствует «детрадиционализации» персонального правления, которое гораздо чаще приобретает вид именно не харизматического, а патримониального господства, завязанного на материальные интересы. Патримониальные режимы отличаются «от харизматического правления тем, что патримониальному правителю не требуется ни личная харизматическая привлекательность, ни выдвижение высоких целей; они отличаются от легально-рациональных бюрократий тем, что занятие позиций в госаппарате осуществляется вне принципов конституционно регулируемого законодательства или карьерного продвижения в соответствии с подготовкой и эффективностью»¹³.

Кроме того, Рот специально указывает на то, что персональную власть патримониального типа не следует отождествлять или смешивать с авторитаризмом, хотя многие авторитарные режимы имеют множество черт как современного, так и традиционного патримониализма, и эти черты, более того, могут быть более важными, чем имеющиеся у них элементы харизмы или легально-рациональных бюрократических практик. «Однако типологически, – отмечает Г. Рот, – отождествление „патримониального“ и „авторитарного“ является неправильным. Последнее понятие может быть полезным для установления континуума от плюралистической демократии до тоталитаризма; первая же категория относится прежде всего к типологии убеждений и организационных практик, которые могут быть найдены в любой точке данного континуума»¹⁴, т.е. могут наблюдаться в различных формах современного государства и быть вполне совместимыми с определенными формами как капитализма, так и социализма.

Следующий шаг в развитии данной концепции был осуществлен Ш. Эйзенштадтом, который в целом ряде своих работ развивает комплексную теорию *неопатримониализма*. Традиционный патримониализм, по его мнению, был присущ различным древним и средневековым обществам. Продуктом модернизации современных развивающихся обществ является возникновение принципиально новых неопатримониальных структур современного типа, для которых

¹² Roth G. "Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States," *World Politics*, Vol. 20, No.2 (1968), P. 196.

¹³ Ibid., P. 196.

¹⁴ Ibid., P. 197.

характерен симбиоз некоторых элементов традиционализма и современного государства. Возникновение неопатримониализма обусловлено тем, что становление политических институтов современного государства во многих развивающихся обществах Азии, Африки и Латинской Америки происходит в рамках специфического режимного «синтеза» традиционного и современного. Этот синтез отнюдь не является неким «переходным» состоянием, а наоборот, обладает существенной устойчивостью и собственной логикой развития, приводящей к модификации и изменению «смысла» функционирования формальных политических институтов современного типа – парламента, партий, бюрократической и судебно-юридической сферы. По Эйзенштадту, возникновение неопатримониальных режимов в значительной степени объясняется провалами политики модернизации и строительства современного государства.

«Использование понятия „патримониальный“ для описания этих различных режимов вытекает, – пишет Эйзенштадт, – из реакции на неадекватность центральных предположений базовых исследований по теории модернизации, также как и таких более поздних концептов, как „провал модернизации“, „политический упадок“ или „переходное“ общество. Это понятие подчеркивает неадекватность этих предположений, указывая, во-первых, что многие эти общества и страны отнюдь не движутся по направлению к современным национальным государствам или обществам революционного типа; во-вторых, что эти режимы не обязательно представляют собой некую „транзитивную“, „переходную“, промежуточную фазу на заданном пути к единому варианту современности; в-третьих, что в их развитии, напротив, присутствует некая своя логика; и наконец, в-пятых, что, по крайней мере, часть этой логики или паттерна изменений может вытекать из некоторых аспектов исторической традиции этих обществ и может быть объяснена именно в ее рамках»¹⁵.

В отличие от Г. Рота, Эйзенштадт связывает патримониализм не только и не столько с персональным правлением и различными формами личной власти, сколько, и прежде всего, с доминирующим паттерном взаимоотношений между властным центром и периферией системы, т.е. с определенной структурой взаимоотношений в рамках всей социальной системы и способами ее воспроизводства. Как пишет Эйзенштадт, «наиболее существенные особенности неопатримониальных обществ имели основанием структуру центров и отношения между центром и периферией. В большинстве случаев центр в возрастающей степени монополизировал власть и политические ресурсы; крупным группам населения оставалось немного возможностей для самостоятельного доступа к таким ресурсам и позициям контроля над последними»¹⁶.

Новизна подхода Эйзенштадта заключалась в том, что он не только констатировал пределы модернизации постколониальных обществ, но и убедил-

¹⁵ Eisenstadt S. N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. London: Sage, 1973. P. 5.

¹⁶ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. Аспект-пресс, 1999. С. 327.

тельно продемонстрировал, какие именно социально-политические системы возникают в результате модернизации, и в какой степени результат расходится с первоначальными оптимистическими ожиданиями. Как пишет Ш. Эйзенштадт, для неопатримониализма характерна «кристаллизация нескольких политических синдромов: монополизация центральной власти и политических ресурсов со стороны центра; минимизация независимого доступа более широких групп к таким ресурсам и позициям контроля за ними; и в то же время, минимальная степень создания центром или обществом новых, более дифференцированных типов социальной организации и институтов»¹⁷. Можно выделить три основных принципа функционирования неопатримониальных систем:

1) политический центр отделен и независим от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти, одновременно закрывая доступ всем остальным группам и слоям общества к этим ресурсам и позициям контроля за ними;

2) государство управляется как частное владение (*патримониум*) правящих групп – носителей государственной власти, которые приватизируют различные общественные функции и институты, делая их источником собственных частных доходов;

3) этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи не исчезают, а воспроизводятся в современных политических и экономических отношениях, определяя способы и принципы их функционирования.

Важные уточнения в развитие концепции неопатримониализма были внесены французским ученым Ж.-Ф. Медаром, который рассматривал неопатримониализм в качестве самостоятельного политического типа, отдельного как от современных, так и традиционных политических форм, однако имеющего черты и той, и другой¹⁸. Ключевым фактором возникновения неопатримониальных структур является превращение «недоразвитого государства» (*underdeveloped state*) в постоянное условие, а не переходную стадию политического развития. «Есть все больше оснований рассматривать эти государства не как переходные или развивающиеся, а таковыми, каковыми они являются на самом деле: недоразвитыми государствами»¹⁹. Главной задачей правителей в такого рода государствах является не «развитие», а поддержание порядка и собственное политическое выживание, которое обеспечивается с помощью инструментов патримониальной политики, сущность которой выражается веберовской фразой о том, что властные полномочия и вытекающие экономические права рассматриваются в качестве частным образом присвоенных экономических возможностей²⁰. Центральной характеристикой неопатримониализма для Медара является *приватизация публично-политической сферы*, что определяет

¹⁷ Eisenstadt S. N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. London: Sage, 1973. P. 18.

¹⁸ Medard J.-F. "The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or Neo-Patrimonialism," in Clapham C. (ed.). *Private Patronage and Public Power*. New York: St. Martin's Press, 1982. P. 162.

¹⁹ Ibid. P. 163.

²⁰ Ibid. P. 236.

превращение политики в разновидность бизнеса, ибо именно политические ресурсы открывают доступ к ресурсам экономическим: «не богатство является источником политической власти, а наоборот, политическая власть является источником богатства», хотя данные практики могут быть прослежены практически везде, но именно в рамках недоразвитости государства они коренным образом видоизменяют саму систему²¹.

После пионерных работ Г. Рота, Ш. Эйзенштадта и Ж.-Ф. Медара концепция неопатримониализма получила широкое развитие в работах многих исследователей, занимающихся проблемами политического развития Африки²², Азии²³ и Латинской Америки²⁴. Кроме неопатримониализма, все большее внимание ученых в последнее время привлекает веберовское понятие султанизма, особенно в контексте анализа персоналистических диктатур и различных режимов личной власти²⁵. Вебер рассматривает султанизм как крайнюю форму патримониализма, которая основывается на «свободном от традиционных ограничений произволе» правителя. В этой форме патримониализма «экстремально расширяется сфера проявления открытого произвола и милости» со стороны правителя, а в своем действии «чистый султанизм опирается прежде всего на возможности фискального произвола»²⁶.

Важный вывод анализа Рота, Эйзенштадта и Медара состоит в том, что неопатримониализм возникает в процессе политической модернизации постколониальных обществ в качестве следствия провала политики современного национально-государственного строительства, выражающегося прежде всего в невозможности реальной интеграции и функционирования политики на основе

²¹ Ibid. P. 181-182, 185.

²² Sandbrook R. "Patrons, Clients, and Factions: New Dimensions of Conflict Analysis in Africa," *Canadian Journal of Political Science*, Vol. 5, No. 1 (1972): 104-119; Willame J.-C. *Patrimonialism and Political Change in the Congo*. Stanford: Stanford University Press, 1972; Le Vine V. T. "African Patrimonial Regimes in Comparative Perspective," *Journal of Modern African Studies*, Vol. 18, No. 4 (1980): 657-673; Callaghy T. M. *The State-Society Struggle. Zaire in Comparative Perspective*. New York: Columbia University Press, 1984; Joseph R. A. *Democracy and Prebendal Politics in Nigeria: The Rise and Fall of the Second Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987; Rothchild D., Chazan N. *The Precarious Balance. State and Society in Africa*. Boulder: Westview Press, 1988; Bratton M. and N. van de Walle. "Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa," *World Politics*, Vol. 46, No. 4 (1994): 453-489; Bratton M., and N. van de Walle. *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in a Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Lindberg S. I. "Forms of States, Governance, and Regimes: Reconceptualizing the Prospects for Democratic Consolidation in Africa," *International Political Science Review*, Vol. 22, No. 2 (2001): 173-199.

²³ Crouch H. "Patrimonialism and Military Rule in Indonesia," *World Politics*, Vol. 31, No. 4. (1979): 571-587; Hutchcroft P. D. "Oligarchs and Cronies in the Philippine State: The Politics of Patrimonial Plunder," *World Politics*, Vol. 43, No. 3 (1991): 414-450.

²⁴ Roett R. *Brazil: Politics in a Patrimonial Society*. New York: Praeger, 1984; Uriceochea F. *The Patrimonial Foundations of the Brazilian Bureaucratic State*. Berkeley: University of California Press, 1980; Zabludovsky G. "The Reception and Utility of Max Weber's Concept of Patrimonialism in Latin America," *International Sociology*, Vol. 4, No. 1(1989): 51-66; Remmer K. L. "Neopatrimonialism: The Politics of Military Rule in Chile, 1973-1987," *Comparative Politics*. Vol. 21, No. 2 (1989): 149-170; Hartlyn J. "Crisis-Ridden Elections (Again) in the Dominican Republic: Neopatrimonialism, Presidentialism, and Weak Electoral Oversight," *Journal of Interamerican and World Affairs*, Vol. 34, No. 4 (1994): 91-144.

²⁵ Chehabi H.E. and J. Linz. (eds.). *Sultanistic Regimes*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.

²⁶ Weber M. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 231-232, 240.

формально установленных рационально-бюрократических механизмов. Механизмы демократизации становятся «спусковым крючком» проникновения и перестройки политико-административной системы на основе классической патримониальной политики патронажа и клиентарного обмена ресурсов между центром и периферией; при этом патримониальные связи фактически утрачивают свои традиционалистские черты и приобретают в первую очередь материально выраженный характер посттрадиционного характера. Как отмечает Медар, неопатримониализм является продуктом противоречивой комбинации бюрократических и патримониальных норм, при которой функционирование публично-властной сферы (как некоего фасада недоразвитого государства) осуществляется по логике патримониальных отношений, а ее легитимация и формальный порядок формирования – по логике отношений рационально-легальных²⁷. Данный аспект неопатримониальных режимов удачно подчеркнут К. Клэпхэмом: «неопатримониализм – это форма организации, в которой отношения патримониального типа пропитывают политико-административную систему, которая формально строится на рационально-легальных отношениях. Официальные лица занимают позиции в бюрократических организациях, имея формально установленные полномочия, однако осуществление этих полномочий происходит, насколько это возможно, не в виде государственной службы, а скорее как реализация частной собственности. Общие взаимоотношения строятся при этом по патримониальной модели господина и вассала, а не по рационально-легальным отношениям между начальником и подчиненным, поведение же при этом скорее ориентировано на демонстрацию персонального статуса чиновника, а не выполнение общественных функций»²⁸.

Развернутую характеристику неопатримониализма как гибридной политической системы, «в которой обычаи и образцы патримониализма сосуществуют и покрывают рационально-легальные институты» дают М. Браттон и Н. ван де Валле в монографии «Демократические эксперименты в Африке: режимные переходы в сравнительной перспективе»²⁹. По их мнению, «как и в классическом патримониализме, право на управление в неопатримониальных режимах приписывается скорее личности, а не должности, несмотря на существование формально принятой конституции. Конкретный индивид („сильная личность“, „большой человек“, вождь), часто пожизненный президент, господствует над государственным аппаратом и стоит над его законами. Отношения лояльности и зависимости пронизывают формальную политико-административную систему, и занятие бюрократических позиций происходит скорее не для выполнения общественных функций, как это внешне подается, а скорее для приумножения личного состояния и повышения собственного статуса. Хотя

²⁷ Medard J.-F. “The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or Neo-Patrimonialism,” in Clapham C. (ed.). *Private Patronage and Public Power*. New York: St. Martin's Press, 1982. P. 180.

²⁸ Clapham C. *Third World Politics*. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. P. 48.

²⁹ Bratton M., and N. van de Walle. *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in a Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

государственные функционеры получают официальное жалование, они также обладают возможностью извлечения незаконных доходов, пребанд, и элементарной коррупции, которые все вместе иногда и образуют подлинное предназначение данной должности. Глава государства и его ближайшее окружение снижают функциональную эффективность номинально современного госаппарата через использование патронажа и клиентелистских практик для поддержания политического порядка. Более того, параллельные и неофициальные структуры могут обладать гораздо большей властью и полномочиями, чем формальные органы управления. Если подытожить вышесказанное, что характерной чертой неопатримониализма является инкорпорация патримониальной логики в работу формальных институтов»³⁰.

Именно теория неопатримониализма позволяет наиболее точно схватить сущность постсоветского развития и интегрировать в рамках единого подхода весь комплекс черт и особенностей, составляющих его историческую специфику. Основными характеристиками неопатримониальной модели в постсоветских условиях являются:

1) формирование класса рентоориентированных (rent-seeking) политических предпринимателей и/или неопатримониальной бюрократии, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности,

2) частное – в той или иной степени – использование государственно-административных ресурсов, в первую очередь силовой и фискальной функции государства, которые используются, прежде всего, для подавления политического сопротивления и устранения экономических конкурентов,

3) решающая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в структурировании политико-экономического процесса, а также пространства реальной политической борьбы.

В политологии под политическими предпринимателями понимаются люди, которые инвестируют в политику различного рода ресурсы в надежде на возвращение их в будущем в виде благоприятной для них государственной политики. В современной политэкономической литературе rent-seeking в широком смысле определяется как борьба за политически обусловленное предоставление благ и привилегий. В более узком смысле означает «стремление к прямой непроизводственной прибыли», т.е. присвоение не реального, а политически произведенного излишка в форме ренты. В значительной степени rent-seeking является одним из элементов веберовского политического капитализма и выступает следствием патримониализации государственной public policy. В нашем контексте указание на rent-seeking не только специфицирует особый неопатримониальный характер данного способа накопления капитала, но и позволяет уточнить саму сущность понятия неопатримониализма. С точки зрения данной перспективы неопатримониализм можно определить в качестве особой *систем-*

³⁰ Ibid. P. 62.

ной формы производства и присвоения политической ренты на основе монополизации властно-административных (силовых и фискальных) ресурсов государства различными группами политических предпринимателей и/или бюрократии

В своем анализе различных форм патримониализма Вебер специально указывает и на такие его формы, которые могут существовать в рамках достаточно модернизированных социальных и политических институтов: например, «на основе монополизации отчасти наиболее прибыльных форм деятельности, отчасти – взимания пошлин и сборов, отчасти – налогообложения. В этом случае рыночная конъюнктура, в зависимости от вида монополии, определяется в большей или меньшей степени иррационально, а основные возможности по извлечению прибыли концентрируются в руках господина и его управленческого аппарата. Капитализм в своем развитии либо (1) прямо тормозится при непосредственном захвате управления прибыльными отраслями самими правящими группами, или же (2) тяготеет к области политически ориентированного капитализма в том случае, когда права на откуп налогов, чиновничьи должности, армейские поставки и правительственные подряды определяются толщиной кошелька»³¹.

Таким образом, в конечном счете, концепция постсоветского неопатримониализма вполне укладывается в веберовское указание на то, что патримониализм вполне совместим и, более того, стимулирует развитие некоторых ограниченных разновидностей капитализма: «при господстве типичной патримониальной власти может возникнуть только (а) торговый капитализм, (b) капитализм, выросший на откупе налогов и должностей, (c) госпоставках и военных подрядах, (d) при определенных обстоятельствах, плантационный и колониальный капитализм. Все эти капиталистические формы внутренне присущи патримониализму и часто достигают самого пышного расцвета. Прежде всего, потому, что им отнюдь не мешает нерациональность отправления правосудия, управления и налогообложения. Напротив, данные обстоятельства являются непреодолимым препятствием только для ориентированных на частных потребителей предпринимателей с устойчивым постоянным капиталом и рациональной организацией свободного труда, которым крайне необходима возможность расчета изменчивой рыночной конъюнктуры»³².

Постсоветский вариант неопатримониальных структур отличается формальной инсталляцией институтов современного государства (парламента и многопартийности, электоральных механизмов и современной конституции), которые, выполняя роль легитимного фасада системы, в целом внутренне подчинены "патримониальной логике" своего функционирования. Ключевую роль в функционировании постсоветских неопатримониальных систем играют не рационально-легальные отношения в рамках официальных систем взаимодействия, а *клиентарно-патронажные связи*, которые регулируют

³¹ Вебер М. "Традиционное господство," *Прогнозис*, 2007, №2 (10). С. 162.

³² Там же. С. 164.

доступ неопатримониальных игроков к различного рода ресурсам на основе отношений личной зависимости, вырастающей из асимметричной конвертации и обмена капиталов. Соответственно, формирование экономического капитала происходит не через присвоение средств производства, а, прежде всего, через присвоение административных средств управления.

2. Постсоветский политический процесс: акторы, логика, режимная типология

Несмотря на все многообразие социально-экономических и государственно-правовых форм, политических и идеологических ориентации, политический процесс в постсоветских неопатримониальных системах обладает рядом общих и при этом коренных определяющих черт.

Ведущее место в системе неопатримониальной власти занимают представители *неопатримониальной бюрократии*, которая в значительной степени совмещает функциональные роли административных, политических и экономических элит. В этом смысле неопатримониальная бюрократия в такого рода системах выступает *основным агентом политического и экономического процесса*. Основанием для этого является функциональная независимость неопатримониальной бюрократии от общества. В качестве ведущей политико-экономической силы и реальной «партии власти» неопатримониальная бюрократия структурируется на основе региональных, отраслевых, клановых и семейно-родственных связей и представляет собой сложную пирамиду разнообразных патронатов, соединяемых через механизм клиентарных отношений вертикалью президентской власти (иногда в той или иной комбинации она может институционализироваться и в виде формальной «партии власти»).

Внутри неопатримониальной бюрократии центральные, стержневые позиции принадлежат президентской вертикали, а именно клиентарно-патронажной сети (КПС), которая образуется вокруг фигуры главы государства; на ее вершине находятся лично преданные ему люди, которые занимают ключевые позиции в государственном и партийном аппаратах, курируют силовые министерства и основные отрасли экономики. Основной структурообразующий элемент КПС – система личных связей, замкнутая на президента, и базирующаяся, в первую очередь, на региональной, семейно-родственной или этнической общности, а также на общности текущих политических и деловых интересов. Именно этому неформальному институту и принадлежит направляющая, организующая и мобилизующая роль как в реальной или формальной «партии власти», так и в политическом развитии общества в целом, что отодвигает на второй план проблему верховенства в таком обществе какой-либо партии или государства.

Политические системы постсоветского типа воспроизводят логику неопатримониального политического процесса: это не борьба партийно-политиче-

ских альтернатив в рамках парламентского соперничества, а борьба различных фракций политических предпринимателей и/или неопатримониальной бюрократии за монополизацию тех или иных сегментов клиентарно-патронажных сетей, их изменение и перераспределение. Политическая борьба, как и политика государства, как правило, сосредотачивались в конкуренции за доступ к ресурсам, властным позициям и должностям, чем на поддержке новых типов экономической деятельности и новых форм статусных и классовых отношений³³. В общем, неопатримониальная система свела к минимуму самостоятельный доступ автономных общественных групп к центру и позициям контроля над распределением ресурсов, стимулируя рентоориентированных предпринимателей к вхождению в системы перераспределения ресурсов в рамках клиентарно-патронажных сетей. В результате, зависимость различных общественных групп от патримониального центра возрастала, а их автономность сводилась к минимуму.

Правящие неопатримониальные группы попытались «контролировать и регулировать политический процесс таким образом, чтобы он не угрожал их монополии на политическую власть в центре и не создавал возможностей для получения различными группами независимого доступа к источникам власти в масштабе всего общества»³⁴. Взаимосвязь неопатримониального центра и различных политико-экономических элит осуществлялась не через демократические механизмы выборов и политического участия, а через вхождения в клиентарно-патронажные сети, различные корпоративные образования или формальную «партию власти». Возникшие в результате реформ рентоориентированные предприниматели, как правило, не стремились к автономной политической деятельности вне существующей КПС, очень редко поддерживали альтернативные политические силы и, в общем-то, не проявляли интереса к перестройке политической сферы. Напротив, в условиях незаконченной рационально-бюрократической трансформации и неполного разделения политики и экономики наиболее выгодной и «дешевой» стратегией рентоориентированных групп стало вхождение в клиентелистские цепочки обмена ресурсов и капитала.

Перенесенные на постсоветскую почву основные элементы современной демократической системы (политические партии, выборы, парламент) в неопатримониальном обществе подвергаются существенной трансформации, становясь оболочкой, прикрывающей патримониальные и полупатримониальные общественные связи. Скрепленные между собой в значительной мере не современными, легально-рациональными связями гражданского типа, а отношениями патронажа и клиентелы, современные политические институты становятся удобным каркасом, в рамках и под ширмой которых происходит процесс воспроизводства традиционных форм патримониального господства.

Поэтому, в отличие от моделей демократизации в Латинской Америке,

³³ Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. М. Аспект-пресс, 1999. С. 329-331.

³⁴ Там же. С. 343.

Южной и Центрально-Восточной Европе, неопатримониальные элиты в бывших постсоветских государствах разделены и конкурируют между собой, прежде всего за доступ к клиентарно-патронажной сети, в центре которой находится лидер государства. Постсоветские элитно-партийные кливажи могут быть определены именно через позиционирование внутри или вне системы «раздела государства». Вместо классического разделения между умеренными и радикалами, либералами и консерваторами, левыми и правыми, постсоветские неопатримониальные режимы могут быть охарактеризованы субэлитным расколом, вырастающим из конкуренции за лучшую позицию в иерархическом клиентарном распределении «благ и привилегий». В этом смысле, сущность политической борьбы в неопатримониальной системе состоит в борьбе за расположение и покровительство со стороны главы государства, но отнюдь не в борьбе за голоса потенциальных избирателей.

Все члены и отряды постсоветской элиты в той или иной степени вовлечены в соревнование и борьбу за большую долю «общественного пирога», которая регулируется верховным лидером государства, выступающим в роли надпартийного (надфракционного) арбитра. И если ключом к стабильности современных демократических государств является способность правителей поддерживать эффективные связи и быстро реагировать на запросы различных социальных слоев, то в неопатримониальных режимах таким ключом является способность различных элит проникать и поддерживать клиентарно-патронажные связи с различными сегментами общества, а также сохранять низкий уровень конфликтности в соперничестве между собой за лучшую позицию в КПС.

Вариации различных способов неопатримониального сочленения политики, экономики и бюрократии определяет многообразие и конкретные разновидности постсоветских политических режимов:

1) *Бюрократический неопатримониализм*: контроль бизнеса и политики государственной бюрократией, государственно-бюрократическая монополизация и полупринудительная централизация неопатримониального господства, значительная роль военных структур и спецслужб, популистская и патриотическая мобилизация и плебисциты.

2) *Олигархический неопатримониализм*: «захват и раздел государства» экономическими/региональными баронами, формирование широкого слоя олигархических и региональных рентоориентированных игроков, действующих рядом или вместо государственных институтов через клиентарно-патронажные сети.

3) *Султанистский неопатримониализм*: персоналистский контроль политики и бизнеса через как полутрадиционные, так и современные стимулы и вознаграждения; крайняя степень концентрации личной власти (часто наследственной или пожизненной), фасадный характер выборов, клановые модели голосования.

Для понимания траекторий развития постсоветских режимов мы будем использовать две переменные. Первой является способ консолидации политиче-

ского режима: султанистский, олигархический, бюрократический, демократический (относительная независимость политики, бизнеса и государственной бюрократии). Второй переменной является степень конкурентности политического режима, выражающая степень политического плюрализма и соревновательности (минимальная, средняя, высокая). Соединение этих двух переменных позволяет нам построить комплексную типологию постсоветских политических режимов (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная типология постсоветских политических режимов

Уровень конкурентности/Способ консолидации	Султанистский неопатримониализм	Олигархический неопатримониализм	Бюрократический неопатримониализм	Демократическая консолидация
высокий		Россия (при Ельцине) Украина (после 2004), Грузия (при Шеварднадзе), Молдова	Грузия (при Саакашвили?)	Эстония, Латвия, Литва
средний	Казахстан Азербайджан Таджикистан	Армения Украина (до 2004) Киргизия (при Акаеве)	Россия (при Путине/Медведеве)	Украина, Беларусь, Грузия, Молдова (все в первой пол. 1990-ых гг.)
низкий или отсутствующий	Туркменистан		Беларусь (при Лукашенко)	

3. Цветные революции и пределы неопатримониальной консолидации

Волна «цветных революций» на постсоветском пространстве в 2004/ 2005 гг. подвела определенную черту под целым периодом политико-режимного развития постсоветских государств, связанного с формированием и подъемом различного рода неопатримониальных политических режимов. Революционный протест масс против правительственного произвола, nepoтизма и коррупции привел к падению наиболее хрупких форм конкурентного неопатримониализма (Украина, Грузия, Киргизия), однако, в то же время, вызвал энергичные попытки перестройки и реформирования сверху (назовем это «контрреволюционной стабилизацией») менее конкурентных неопатримониальных систем (Россия, Беларусь, Казахстан, Азербайджан).

С самого начала «цветные революции» оказались в центре ожесточенных теоретических дебатов, начиная с вопроса о том, могут ли считаться данные со-

бытия действительно революциями, и заканчивая конспирологическим обсуждением роли внешних сил в организации и манипулировании данными событиями. Центральным, однако, оказался вопрос о том, означают ли цветные революции «выход из посткоммунизма»³⁵ или нет, разрывают ли они с постсоветским развитием или являются его дальнейшим логическим продолжением? Можно выделить несколько вариантов ответа на эти вопросы:

(1) представители транзитологического мейнстрима, рассматривают «цветные революции» в качестве своеобразных «демократических прорывов» («хорошие парни побеждают плохих парней»), как завершение процесса демократизации, начавшегося в конце восьмидесятых; в этом смысле они являются постсоветским вариантом центральноевропейских «бархатных революций» 1989 г.;

(2) другие рассматривают их в качестве завершающего момента национальных революций, которые приводят к рождению современных суверенных гражданских наций на окраинах или на обломках бывших империй (прототипом выступает «весна народов» бурного 1848 г.); важное значение придается процессам национальной мобилизации и идеям достижения подлинной независимости от бывшего имперского центра;

(3) третьи говорят о буржуазно-демократических революциях, двигателем которых является европеизированный «средний класс», требующий последовательной модернизации общества и протестующий против олигархической экономики и политического капитализма (что отсылает нас уже к событиям скорее 1789 г., а именно, к роли и требованиям «третьего сословия» к королевской администрации перед штурмом Бастилии).

Все три подхода объединяет явный или неявный нормативизм, т.е. определенное телеологическое представление о том, какое общество появляется или должно появиться в результате революционных изменений. В противовес нормативному подходу, который акцентирует именно кардинальное изменение общественного строя (или типа) системы в ходе революционных преобразований, гораздо более плодотворной мне видится другая, более узкая трактовка «цветных революций» как одной из возможных форм смены политического режима, наряду с другими возможными формами.

Гораздо более перспективным выглядит, например, подход Г. Хейла, который рассматривает произошедшие (и не произошедшие) постсоветские «цветные революции» в рамках циклической модели патронажного президентства: в период выборов из-за возросшей степени неопределенности для всех участников игры происходит усиление межэлитной конкуренции (т.е. либерализация системы), которая может закончиться «цветной революцией» (т.е. крахом операции планового наследования трона и «прорывом» альтернативных элит), после того как преемник установлен, начинается новый цикл авторитаризации режима (т.е. стабилизации и консолидации новой элитной конфигурации). Как отмечает Г. Хейл, «цветные революции как внешне, так и внутренне, могут быть

³⁵ McFaul M. "Transitions from Postcommunism," *Journal of Democracy*, Vol. 16, No. 3 (2005): 5-19.

лучше поняты не в качестве „демократических прорывов“, а именно как фазы открытого конкурентного противостояния в рамках более широкого режимного цикла, результатом которых является приход к власти оппозиционных сил»³⁶.

В этом контексте мне кажется уместным обратиться к теоретическим выводам современных концепций революции и теорий политико-режимных изменений, которые могут быть весьма полезными и для понимания причин, динамики и результатов постсоветских «цветных революций». Более того, фактическое игнорирование весьма существенных наработок, достигнутых работой нескольких поколений исследователей, по нашему мнению, весьма существенно сужает и даже блокирует адекватную интерпретацию этих событий, оставляя поле для различных мифологических спекуляций, пристрастной идеологической апологетики или наивной критики.

В начале 1980-ых годов Дж. Голдстоун в своем анализе различных теорий объяснения революционных изменений выделил три поколения теорий революции, которые вскоре стали каноническими рамками любого серьезного анализа данного феномена³⁷. Данные три поколения можно представить следующим образом: историко-философская феноменология революций как «великих нарративов», модернизационные теории 1950-60-ых гг., возникшие в рамках бихевиористской революции, структурно-функционального анализа и девелопментализма; государство-центричные модели второй половины 1970-1980-ых годов.

Третье поколение теорий революций выступило с позиций неовеберизма и выдвинуло лозунг *Bringing the State Back in*, т.е. потребовало вернуть государство в центр теоретического анализа революций, ибо именно его тип, структура и вид в значительной степени решает как загадку возникновения революций, так и объясняет ее совершенно противоположные итоги. В предыдущих теориях революции, государство выступало или в качестве надстройки, или было просто ареной протекания и разрешения конфликтов, вызываемых более фундаментальной группой причин. Однако представители третьего поколения выдвинули чрезвычайно важную идею того, что государство есть не просто арена конфликта, а – самостоятельный автономный элемент, со своими целями, задачами и институциональной структурой, и что государство в определенных ситуациях может действовать вопреки или даже против интересов влиятельных господствующих классов. Например, такой конфликт может произойти вокруг той или иной аккумуляции ресурсов со стороны государства в ответ на военную угрозу извне: как правило, на эти ресурсы претендуют (или уже ими обладают) те или иные элиты, и такая аккумуляция может произойти лишь за их счет.

³⁶ Hale H. “Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia,” *World Politics*, Vol. 58, No.1 (2005). P. 161.

³⁷ Goldstone J. “Theories of Revolution: The Third Generation,” *World Politics*, Vol. 32, No. 3 (1980): 425–453; Goldstone J. “The Comparative and Historical Study of Revolutions,” *Annual Review of Sociology*, Vol. 8 (1982): 187–207.

Таким образом, исследователи, работающие в рамках третьего поколения теорий революции, выдвинули на первый план в объяснении революционных потрясений структуру противостояний внутри традиционных элит, вариации их контроля над государственной политикой, а также *конфликт государственной бюрократии с автономными элитами*, разворачивающийся на фоне обостряющейся межгосударственной военной и экономической конкуренции в рамках капиталистической мир-системы.

В своей классической работе «Государства и социальные революции» Т. Скочпол достаточно убедительно демонстрирует, что политика централизации и мобилизации ресурсов со стороны абсолютистского государства неизбежно тем или иным образом вступает в противоречие с интересами традиционных элит, ибо угрожает их политическим привилегиям и подрывает их ресурсную базу³⁸. В этом случае возможность революционного ответа на пресс государства в значительной степени зависит от возможностей данных элит сопротивляться росту требований государства и их способности создать себе независимую ресурсную базу для такого сопротивления. Скочпол представляет блестящий анализ того, почему, например, во Франции и Англии возникают различные типы абсолютизма, и Фронда во Франции была подавлена, а мятеж Кромвеля в Англии нет, или в силу каких причин революции произошли во Франции, России и Китае, и не произошли в Пруссии или Японии? Ключевым в эскалации конфликта между бюрократическим государством и традиционными элитами, по мнению Скочпол, является социальное строение аграрной сферы и модель взаимодействия различных типов элит с государством. Там где государство в своем функционировании зависело от кооптации или вето влиятельных аграрных элит, последние могли парализовать государство и открыть путь для крестьянских восстаний (Франция в XVIII, Китай в XIX ст.), в отличие от Пруссии и Японии, где правительство было в целом независимо от земельных собственников. Достаточно влиятельные в своих собственных владениях, земельные собственники в Пруссии и Японии не имели общенациональной ресурсной базы, как и не имели институциональных форм для выражения своих требований и оспаривания решений монархического центра и его представителей на местах.

В 1990-е годы Дж. Голдстоун и некоторые другие исследователи отметили возникновение уже следующего, четвертого поколения теорий революции, которое в значительной степени уточнило и обогатило исходную модель революционного конфликта, выдвинутую Т. Скочпол и Ч. Тилли. Анализ исламской революции в Иране, «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе, государственного коллапса в Африке, городской и сельской вооруженной герильи в Латинской Америке, революций и восстаний раннего Нового времени, неопатримониальных революций в странах Третьего мира продемонстриро-

³⁸ Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

вал многомерность межэлитного конфликта, его сложную коалиционную структуру, а также вариацию способов мобилизации масс. Как пишет Дж. Голдстоун, «в этой (новой) теории, революции наиболее вероятны только тогда, когда в обществе одновременно присутствует несколько условий: (1) фискальный кризис государства, как разрыв между общими доходами государства, и теми целями и задачами, которые возникают перед ним; (2) резкое разделение элит, которое включает как противостояние с государственным аппаратом, так и внутриэлитный конфликт, вызываемый возросшей неустойчивостью их элитных позиций и ростом конкуренции за их достижение; (3) высокий потенциал массовой мобилизации различных групп населения, который питается распространением как общего недовольства (в частности, ростом цен и низкими зарплатами), так и социальной конфигурацией, способствующей подъему массовых действий (например, наличием значительного числа молодого населения, автономной структурой сельских поселений, концентрацией пролетариата в стагнирующих городских центрах). Конъюнктурное соединение этих трех условий вызывает четвертую предпосылку: подъем различных форм культурной и религиозной гетеродоксии, которая обеспечивает оппозиционные силы как лидерством, так и готовыми организационными формами»³⁹.

Таким образом, контингентное соединение фискального кризиса, межэлитных конфликтов, подъема народных выступлений и развитие критических идеологий вызывает революционное падение существующего режима. Угроза революции возникает тогда, делает вывод Дж. Голдстоун, когда развивается фискальная слабость государства, а влиятельные элиты отказываются от поддержки режима, или разделяются в вопросе о том, в какой степени и каким образом ее осуществлять. «Такой отказ от поддержки может отражать финансово-экономические трудности самих элит. Элиты, вовлеченные в борьбу за сохранение своего богатства, или рассматривающие себя в качестве невинно обобраных жертв, с готовностью отказываются от поддержки слабого и нуждающегося в поддержке режима. Элиты могут перейти в противоположный лагерь также в силу того, что они просто изгнаны из власти, или их привилегии и контроль элитных позиций подвергаются нападкам и оспариванию»⁴⁰. Политический кризис развивается, когда элиты оказываются не просто разделенными, но и поляризованными, т.е. имеют соперничающие и взаимоисключающие видения организации социального порядка. Превращение политического кризиса в революцию происходит, когда возникает массовая мобилизация, которая может быть 1) традиционной, 2) неформальной и 3) направляемой элитами. При этом первый и второй тип мобилизации не всегда является сам по себе революционным, очень часто оба они ведут лишь к неудачным крестьянским восстаниям и различным видам городского протеста (демонстрациям, забастовкам и т.д.). Как

³⁹ Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press, 1991. P. xxiii-xxiv

⁴⁰ Goldstone J. "Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory," *Annual Review of Political Science*, Vol. 4 (2001). P. 148.

отмечает Голдстоун, «они становятся эффективным орудием революционных изменений лишь тогда, когда устанавливают связь с элитной оппозицией режиму». Успешными оказываются только те революции, которые «устанавливают связь или формируют коалицию между народной протестной мобилизацией и антирежимными элементами самой элиты»⁴¹. Трансформация же широких социальных движений в вооруженное восстание или революцию зависит от того, как режим, элиты и массы реагируют на политический кризис.

Таким образом, мне кажется, что мы можем гораздо глубже понять феномен «цветных революций», если поместим их в хорошо изученный сравнительной политологией и исторической социологией теоретический контекст изучения режимных коллапсов и режимных изменений неопатримониальных политических систем⁴². «Цветные революции» на постсоветском пространстве, с точки зрения данной перспективы, есть, прежде всего, *распад модели консолидации неопатримониального режима на основе политико-экономической гегемонии главы государства и выстраиваемой вокруг и под него клиентарно-патронажной сети эксплуатации публичных ресурсов*.

Режимная консолидация (элиминирование внутриэлитных расколов) в рамках модели гегемонии осуществляется главой государства, который (1) контролирует наиболее важные ресурсные позиции на политическом поле и устанавливает на нем собственные (формальные и неформальные) правила игры, (2) опирается не столько на публично-политические, сколько на государственно-административные каналы и способы воздействия клиентарного типа – например, через назначение и смену региональных нотаблей, контроль ключевых позиций в государственном аппарате, силовых министерствах и основных отраслях экономики, (3) через патронажные сети обеспечивает себе поддержку *большинства в большинстве* социальных и экономических групп, а не влияние среди какой-то одной, численно наибольшей группы.

В качестве главного патрона президент выступает верховным арбитром во внутриэлитных столкновениях и, на основе принципа личной лояльности, регулирует входение/исключение из КПС (а значит, и до ступ/не доступ к соответствующим экономическим ресурсам). Формулу консолидации элит через гегемонию можно выразить так – «(политическая) лояльность в обмен на (экономическую) свободу». Существующие внутри КПС противоречия региональных групп и несовпадение специфических бизнес-интересов преодолеваются выигрышем от монопольного раздела государственно-административной ренты.

⁴¹ Ibid. P. 151-152.

⁴² Snyder R. "Explaining Transitions from Neopatrimonial Dictatorships," *Comparative Politics*, Vol. 24, No. 4 (1992): 379-399; Bratton M. and N. van de Walle. "Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa," *World Politics*, Vol. 46, No. 4 (1994): 453-489; Bratton M., and N. van de Walle. *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in a Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Derluigian G. *Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography*. Chicago: University of Chicago Press, 2005; Hale H. "Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia," *World Politics*, Vol. 58, No.1 (2005): 133-65; Hale H. "Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism," *Communist & Post-Communist Studies*, Vol. 39, No. 3 (2006): 305-329.

При этом все другие игроки (не вошедшие через клиентарные отношения в КПС) *de facto* делегитимизируются и выносятся на периферию политического поля – это левые и правые «идеологические» партии, парламентские формы представительства, негосударственные общественные организации и т.д.

Отметим, что гегемонию следует отличать от доминирования, когда та или иная сила устанавливает полный монопольный контроль над политическим полем. Консолидация режима через доминирование произошла, например, в некоторых постсоветских республиках Средней Азии, где вместо раскола национальных компартий произошло их простое переименование, а национально-демократические контрэлиты загнаны на периферию политического поля (т.е., там была сохранена клиентарно-патронажная сеть советской эпохи, а кооптирование в ее состав новых элит было сведено к минимуму). Там же, где произошел существенный раскол правящих национальных компартий на победивших (коммунистических) реформаторов-демократов и проигравших коммунистов-ортодоксов (как, например, в Украине), консолидация режима осуществлялась на основе модели контркоммунистической гегемонии, смысл которой состоял в «разделе государства» союзом реформаторов-коммунистов и умеренных контркоммунистических контрэлит. «Разрыв с СССР и коммунистическим прошлым» как легитимизирующая идея позволил элиминировать расколы и объединить посткоммунистических реформаторов, хозяйственную, региональную и культурную рентоориентированную элиту «советского типа» с разнообразными национально-демократическими контрэлитами, «закрыв» одновременно путь к власти для радикальных элементов и с той, и с другой стороны. В отличие от «среднеазиатской» модели полного доминирования, *возможности гегемонии более ограничены* и не позволяют, например, ликвидировать оппозицию (формируется специфический постсоветский бипартизм: неопатримониальная «партия власти» vs. «идеологических» партийных проектов, выдомых оппозиционными элитами) или установить полный контроль над парламентом, превратив его в регистрационно-совещательную палату декоративного типа. Таким образом, хотя наличие существенного элитного оппозиционного сегмента предотвратило возможности консолидации украинского политического режима по «среднеазиатской» модели доминирования, гегемонная модель консолидации все равно позволила достаточно эффективно контролировать события на политическом поле, стабилизировать социальные издержки реформ, предотвращать интерэлитные конфликты и сползание к неуправляемой «войне всех против всех».

Постсоветский формат украинского политико-режимного взаимодействия через гегемонную консолидацию элит был существенно подорван в ходе «касетного скандала» и парламентских выборов 2001/2002 гг., продемонстрировавших возникновение новых линий внутриэлитных расколов и размежеваний, которые уже не могли преодолеваться прежним административным или клиентарным способом. Фактически, в течение 2001/2002 гг. от «партии власти» отколо-

лась достаточно значительная часть влиятельных экономических групп интересов и большинство национально-демократических субэлит, которые вышли из клиентарно-патронажной сети президента Кучмы и стали ядром альтернативной «оранжевой коалиции» вокруг В.Ющенко на президентских выборах 2004 года. Соответственно, социетальные границы «оранжевой коалиции» совпали с границами тех мощных групп интересов, которые, в силу тех или иных причин, или оказались выдавленными из системы президентского патронажа, или перестали видеть смысл участия в нем (потенциальные выгоды не смогли перевесить все более нарастающие риски и опасности).

Таким образом, ключевой предпосылкой «цветных революций» явилась неспособность интегрировать в КПС значительные сегменты экономических, политических и региональных элит, и, в конечном итоге, постепенная утрата поддержки большинства в большинстве социальных групп, открывающая дорогу классической партийной политике, базирующейся не на патронаже, а на представлении интересов основных социетальных групп. Иными словами, это говорит о том, что «цветные революции» происходят там, где неопатримониальный государственно-административный комплекс (центр системы, по терминологии Ш. Эйзенштадта) не способен подчинить себе большинство наиболее мощных групп экономических интересов и создать устойчивую коалицию элит в рамках формальной или неформальной партии власти.

Здесь мы подошли к очень важному пункту, который позволяет выдвинуть альтернативное объяснение феномена «цветных революций», поместить их в контекст уже существующих объяснений революционных изменений, и предложить несколько иную оптику их анализа. Выскажем в этой связи гипотезу, которая практически не присутствует в современном анализе «цветных революций»: совершенно аналогично европейским революционным вихрям Нового времени, не были ли они такой же *ответной реакцией определенных групп экономических интересов на возросшее силовое и фискальное давление неопатримониального государства?* Эскалация абсолютного и относительного объемов «отката» (т.е. перераспределения ренты к центру КПС), как и попытка его бюрократического упорядочивания и/или регламентации установленных привилегий, становятся сигналом для бегства менее привилегированных рентоориентированных групп из КПС президента. Выскажем предположение, что бюрократическая регламентация и упорядочивание неопатримониальных обменов («наведение порядка в экономике») *не снижает, а наоборот, повышает* стоимость пребывания (т.е. трансакционные издержки) в КПС для большинства ее участников (за исключением лишь самых приближенных лиц из центра сети), что и формирует потенциальный резервуар поддержки оппозиции, а также создает для нее ресурсную базу.

Таким образом, мы предполагаем, что *ключевым конфликтом «цветных революций» является конфликт неопатримониальной бюрократии и рентоориентированных политических предпринимателей.* Можно в самом общем виде

предположить, что при росте транзакционных издержек более подвижными и склонными к выдвиганию требований изменения правил игры оказываются те виды бизнеса, у которых оказывается наименьший «запас прочности» к росту требований неопатримониального государственно-административного комплекса. Хотя в каждом отдельном случае «цветные революции» поддержали самые разные виды бизнеса, ключевым, очевидно, является вопрос о том, возможно ли его эффективное функционирование вне теневых схем раздела прибыли с высшими звеньями КПС и насколько он зависит от предоставленных привилегий, экспортных лицензий и иммунитета от закона. Возможно, представители «сырьевого» сектора (включая металлургию и химию), при прочих равных условиях, в структуре своих производственных издержек всегда более устойчивы к возрастанию фискальных требований неопатримониальной бюрократии, чем реальный рыночный сектор экономики и, при прочих равных условиях, не заинтересованы в отказе от неопатримониальных схем и выходе из КПС главы государства. Опять-таки, для нас сейчас не важно, объясняется ли их повышенная прибыльность тем, что эти секторы находятся в центре КПС (контролируются ближайшим кругом и родственниками главы государства), или они потому и контролируются президентом, потому что являются источником сверхприбыльной ренты!

Бюрократическое упорядочивание и усиление фискальных функций государства мгновенно приводит постсоветскую неопатримониальную бюрократию к конфликту с большей частью бизнес-элит, которая не входит в круг ближайшего окружения главы государства, а потому наиболее страдает от сужения своих экономических возможностей (а иногда и прямо терпит фиаско в результате «наезда» силовых структур государства). В результате, почти по Сковпол и Голдстоуну, возникает революционная ситуация и отвергнутые элиты начинают инвестировать ресурсы в альтернативные политические проекты, т.е. начинают политическую мобилизацию аутсайдеров на борьбу с режимом.

Если полемически заострить вышеизложенную гипотезу, то разгадка «цветных революций», состоит в том, что ее ближайшим историческим аналогом будут не «бархатные революции» Центральной и Восточной Европы, а «неопатримониальные революции» в странах Третьего мира (по Ш. Эйзенштадту), которые происходят на почве столкновения по поводу принципов справедливости и вытекающих из них способов распределения благ, но не ведут к глубоким изменениям в доступе основных групп к позициям контроля в главных институциональных сферах или же в автономном политическом самовыражении этих групп⁴³. Возможность неопатримониальной революции возникает тогда, когда резко сужается база неопатримониального центра, и он утрачивает поддержку значительной части социальных слоев и элитных групп. Очень часто это происходит тогда, когда изменение международной обстановки ограни-

⁴³ Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. М. Аспект-пресс, 1999. С. 336.

чивает возможности неопатримониального лидера контролировать элиты, и они перестают полностью зависеть от его расположения, а также предоставляемых постов и благ. «Этот тип революции, – отмечает Дж. Голдстоун, – отличается от великих революций тем, что ее лидеры прежде всего желают ниспровергнуть не систему правления, но персональную власть дискредитированного главы государства. Однако когда правительство завязано только лишь на главу государства, выпадение любого сегмента патронажной сети, соединенное даже с небольшим народным выступлением может вызвать коллапс всего режима. Перестройка государства может привести к далеко идущим изменениям в структуре правления и социальной организации. Таким революциям прежде всего не хватает сильной идеологии, и может пройти много времени, прежде чем она возникнет на основе той формы власти, которая заменит старую персонализированную систему»⁴⁴. Классическими примерами революционного коллапса патримониальных и неопатримониальных режимов являются Мексика (1910), Боливия (1952), Куба (1959), Эфиопия (1974), Никарагуа (1979), Иран (1979), Филиппины (1986), Индонезия (1998), Заир (1998). В целом неопатримониальные революции не меняют базовую модель отношений между центром и периферией, основанную на ограничении доступа к центру и позициям контроля за ним, скорее они изменяют политику распределения ресурсов, а также принципы справедливости, которые обосновывают эту политику.

Таким образом, существенный недостаток существующих теорий «цветных революций» состоит в том, что они предлагают достаточно ограниченную интерпретацию (это касается всех трех указанных в самом начале концепций), в которой остается как бы за кадром основная причина революции: конфликт неопатримониальной бюрократии и экономических элит. Ни одна из предложенных до сих пор концепций «цветных революций» не рассматривает решающий фактор революционного успеха – мотивов и позиции крупных ретроориентированных политических предпринимателей, чья поддержка аутсайдеров неопатримониальной системы (соответственно, либералов, национальных демократов, среднего класса в указанных выше трактовках) явилась, по нашему мнению, переломным моментом и ключевым элементом позитивного исхода всех постсоветских «цветных революций». В общем-то, каждая из этих групп была «лузером» в неопатримониальной системе, и, если и попадала в систему патронажа, то в качестве самого дальнего и «угнетенного» элемента клиентарно-патронажной сети. Укажем также, что достаточно популярная версия «цветных революций» как «движений среднего класса за демократию» не учитывает того фактора, что в процессе модернизации средний класс очень часто выступает как раз противником демократизации и становится социальной базой авторитарных политических режимов. Исследования, например, латиноамериканистов показали, что в основе специфической системы бюрократического авторитариз-

⁴⁴ Goldstone J. “The Comparative and Historical Study of Revolutions,” *Annual Review of Sociology*, Vol. 8 (1982). P. 197.

ма 1970-ых годов (Бразилия, Аргентина, Чили) находится поддержка как раз средних социальных слоев (мелкого и среднего бизнеса, интеллигенции и т.д.), выступающих в первую очередь за «порядок и экономическое развитие», и лишь в последнюю очередь нуждающихся в демократии. В контексте нашего анализа, лишь в Беларуси определенные сегменты среднего класса могут действительно рассматриваться в качестве оппозиции режиму Лукашенко. Напротив, по-видимому, именно вестернизированный средний класс является основной социальной базой не только режима Путина/Медведева в России, но и Ильхама Алиева в Азербайджане и Назарбаева в Казахстане. Контрежимная мобилизация масс оппозиционными элитами там будет осуществляться не среди средних слоев – основных бенефициаров девелопменталистской политики их лидеров, а скорее среди обездоленных городских и сельских масс в регионах происхождения оппозиционных лидеров. Это очень хорошо видно по киргизской «цветной революции», где средний класс скорее был заинтересован в просвещенном мягком султанизме Акаева, чем был готов оказаться в пучине распрей региональных кланов.

«Цветные революции» в значительной степени стали следствием усиления силовых и принудительных функций неопатримониального государства, что явилось причиной изменения стратегий действий политических предпринимателей, которые стали инвестировать средства, условно говоря, не в главу государства, а в аутсайдеров системы, т.е. перешли от поддержки неопатримониального центра к конфликту с ним и мобилизации масс на борьбу с ним. Успех революций объясняется, как известно, не только натиском оппозиции, но и, решающим образом, параличом государственной машины, не способной принять адекватные в данной ситуации меры по установлению управляемости и порядка. Скорее всего, решающей причиной ступора силовой машинерии неопатримониального государства является как раз изменение намерений большинства рентоориентированных игроков в центре системы.

4. Динамика постсоветских политических режимов

Общую реконструкцию траекторий развития постсоветских неопатримониальных политических режимов в самом общем виде можно изобразить следующим образом.

К середине 1990-ых годов в большинстве постсоветских государств в результате политических и экономических реформ происходит консолидация системы неопатримониального правления на основе того или иного варианта состыковки интересов неопатримониальной бюрократии, политических рентоориентированных предпринимателей и главы государства, контролирующего использование силовых ресурсов государства. Расширение позиций рентоориентированных акторов (что наиболее ярко проявилось в их роли на президентских выборах в России и Украине во второй половине 1990-ых, или в силовых захва-

тах власти в закавказских республиках) приводит к усилению конкуренции различных фракций неопатримониальной бюрократии и плюрализации экономического и политического поля этих государств, которое затронуло и ряд просвещенных султанистских режимов Центральной Азии и Закавказья (Казахстан, Киргизию и Азербайджан). В большинстве олигархическо-патримониальных режимов наиболее влиятельные экономические игроки ставят вопрос о частичном изменении правил игры и снижении роли главы государства как основного вето-игрока и доминантного элемента неопатримониальной вертикали. Можно сказать, что возникла потребность не в иерархической, а скорее в горизонтальной самоорганизации экономических игроков без единого монопольного центра, что получило свое политическое выражение в проектах парламентаризации политической системы и сформулировало запрос на «слабого президента». Так возникла первая стратегия трансформации постсоветского неопатримониализма, которую можно назвать «политической рационализацией»: политическая система должна быть преобразована так, чтобы быстро и эффективно откликаться на запросы различных групп экономических интересов, она должна быть прозрачной и нейтральной.

В ответ на это, неопатримониальная бюрократия, опираясь на контроль силовых ресурсов со стороны главы государства, попробовала поставить под свой контроль или прямо ликвидировать все усилившиеся независимые центры силы (олигархические бизнес-интересы, политические партии, СМИ, парламент, негосударственные организации гражданского общества, культурные и региональные элиты и т.д.). «Олигархический поворот» 1993/94-1999/2000 гг. сменяется новым ключевым трендом 2000/01-2004/06 гг., который состоит, с одной стороны, в формальной рационализации/бюрократизации политико-экономических центров власти и восстановлении позиций государства в экономической сфере, а, с другой, в попытках ограничения и контроля политической конкуренции, что вызывает развитие авторитарных тенденций и постепенное «закрытие» политической сферы⁴⁵. Данную стратегию можно назвать путем «силовой рационализации», в определенном смысле этот путь аналогичен развитию абсолютизма в Западной Европе (формированию *Polizeystaat*) и его борьбе с другими конкурирующими центрами власти. «Силовая рационализация», проходящая под лозунгами «наведения порядка в экономике», фактически приводит к «контрреволюционной стабилизации»: экспроприации ресурсной базы независимых экономических игроков, устранению их значимого политического влияния, и, в конечном итоге, упадку роли парламента и политических партий. Можно сказать, что успешная «силовая рационализация» является формой «бюрократической революции» сверху, которая приводит также к существенной трансформации режима в некую разновидность *бюрократического неопатри-*

⁴⁵ Carothers T. "The End of the Transition Paradigm," *Journal of Democracy*, Vol. 13, No. 1 (2002): 5–21; Levitsky S. "The Rise of Competitive Authoritarianism," *Journal of Democracy*, Vol. 13, No. 2 (2002): 51–65; Way L. "Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, and Ukraine," *World Politics*, Vol. 57, No. 2 (2005): 231–251.

мониализма (где доминирующим слоем становится силовая бюрократия), который имеет своим прототипом «бюрократический авторитаризм» латиноамериканского или восточно-азиатского типа. Именно в этом направлении «бюрократической революции» сверху (и пока относительно успешной контрреволюционной стабилизации) развивается Россия, Беларусь, Казахстан и Азербайджан.

В силу геополитических причин и слабости ресурсной базы неопатримониализма, достаточно безболезненно парламентаризация режима произошла в Молдове (как и ранее в прибалтийских государствах). В других странах оппозиционные рентоориентированные политические предприниматели, опираясь на свои региональные и социальные базы поддержки, были вынуждены перейти к мобилизации масс снизу (Грузия, Украина и Киргизия), что вызвало классическую неопатримониальную революцию, хорошо знакомую специалистам по Третьему миру (ср. с падением режимов Маркоса, Сухарто и Мобуту). В общем, можно сказать, что «цветные революции» произошли там, где правящие элиты (1) поздно или недостаточно решительно перешли к осуществлению стратегии «силовой рационализации» и подавления независимых конкурирующих центров силы, (2) не смогли добиться поддержки большинства в большинстве социальных и региональных групп и интегрировать их в систему неопатримониального перераспределения (см. табл. 2).

Таблица 2

Сценарии развития постсоветских неопатримониальных режимов

	КОНСОЛИДАЦИЯ	СТОЛКНОВЕНИЕ
РЕЖИМНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ <i>Доминирование бюрократии; государство как главный агент изменений</i>	Неопатримониальные пакты об ограничении конкуренции: Россия при Ельцине, Украина при Кучме, Азербайджан при Г. Алиеве, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан	Силовая рационализация (в условиях управляемой конкуренции) <i>Контрреволюционная стабилизация сверху:</i> Россия при Путине, Беларусь, Азербайджан при И. Алиеве, Казахстан, Армения
РЕЖИМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ <i>Доминирование рентоориентированных групп интересов, общество как главный агент изменений</i>	Институционализация конкуренции: <i>Парламентаризация режима:</i> Прибалтика, Молдова	Политическая рационализация (в условиях неуправляемой конкуренции) <i>Цветные революции снизу:</i> Украина, Грузия, Киргизстан

«Политическая рационализация» снизу (через «цветные революции») и «силовая рационализация» сверху (через «бюрократическую революцию») могут считаться различными вариантами осуществления процесса рационально-бюрократической трансформации, которая в свое время привела к рождению современных национальных государств. Демократия в том и другом случае мо-

жет быть, а может и не быть специфическим итогом этой трансформации, в равной степени ее следствием может стать рождение неопатримониальных «олигархических демократий» или авторитарных режимов, хорошо знакомых специалистам по межвоенной Западной Европе или Латинской Америке.

В этом контексте, чем больше различия позиций и экономических интересов демонстрирует постреволюционная коалиция победивших элит, чем больше у нее несовпадения позиций и интересов, тем выше вероятность утверждения в данной стране демократии. «Ирония» неопатримониальных революций состоит в том, что они открывают реальную возможность возникновения демократии как побочного продукта конфликта политических и экономических сил. Ключевое значение с этой точки зрения имеет, например, раскол «оранжевой коалиции» в Украине осенью 2005 года, который сделал невозможным возврат к модели консолидации «оранжевой команды» на основе вхождения в неопатримониальную систему патронажа, интегратором которой был бы президент. Как раз то, что из-за внутренних противоречий рентоориентированные политические предприниматели из «оранжевого блока» не смогли создать широкую «партию власти», является предпосылкой формирования в Украине плюралистической политической системы, в которой ни одна из групп или сегментов общества не будет обладать контрольным пакетом власти.

Цикл постреволюционных парламентских выборов 2006-2009 гг. и президентских выборов 2010 г. фактически закрепил многополюсную систему украинской политики, в которой в режиме «динамического равновесия» действуют несколько примерно равных общенациональных политических игроков. Хотя сейчас сложившийся украинский режим можно охарактеризовать как *неопатримониальную демократию*, в долгосрочной перспективе ситуация пата между основными политическими игроками в условиях сохранения острой политической конкуренции способствует закреплению демократических правил игры и блокирует потенциальные попытки реализации политики «победитель получает все» со стороны любого участника. Изменение статус-кво после президентских выборов 2010 г. и формирование единой вертикали власти вокруг Януковича будет служить очень хорошим тестом предложенной модели.

Таким образом, эволюция постсоветских неопатримониальных режимов в целом подтверждает закономерности, выявленные как в европейской истории раннего Нового времени, так и в современной истории стран Азии, Африки и Латинской Америки. Как известно, возникновение демократических полиархий и упадок патримониальных практик на Западе в конце XIX – начале XX ст. смогло произойти только после формальной бюрократической реорганизации государства на основе формальных правил и рационально-легальных связей гражданского типа. Но не только – в конечном итоге это был выбор бывших патримониальных и рентоориентированных элит, для которых более выгодным, в долгосрочной перспективе, оказалось принятие равных и прозрачных механизмов открытой конкуренции на основе единых и общих для всех правил.

Станут ли открытые механизмы конкурентной демократии следующим выбором постсоветских неопатримониальных элит, или они вернуться к хорошо знакомой практике монопольного контроля над политическим пространством и его экономическими дивидендами? Договорятся ли они о переходе к открытой конкуренции на основе общих правил игры (именно таков был путь возникновения западных демократий) на основе равного раздела рисков, или они предпочтут и дальше играть в рулетку, где «победитель получает все»? Таковы основные дилеммы нашего ближайшего будущего.